

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20150419
УДК 94(470):316.624+392.85

Д.П. ЖЕРЕБЧИКОВ

**ПЬЯНСТВО В ГОРОДАХ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)***

Дмитрий Павлович Жеребчиков,
кандидат ист. наук, старший научный сотрудник,
Тамбовский государственный технический университет,
РФ, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д.106,
e-mail: ditrich87@mail.ru

Статья посвящена проблеме пьянства городских жителей в Тамбовской губернии в период модернизационных изменений второй половины XIX – начала XX в. Приведен обзор работ современных отечественных исследователей, интересовавшихся указанной проблемой. Алкоголизация городского социума изучена с помощью данных статистики, архивных источников, материалов прессы в исследуемый период. Цель статьи – рассмотрение пьянства как одного из главных факторов девиации, анализ его связи с другими проявлениями отклоняющегося поведения – суицидом, хулиганством, убийствами. Освещены формы контроля алкогольной проблемы со стороны государства и церкви.

Ключевые слова: пьянство, алкогольная статистика, алкогольная смертность, суицид, хулиганство, драка, убийство, государственный контроль, общества трезвости

D.P. ZHEREBCHIKOV

**DRUNKENNESS OF URBAN POPULATION IN THE TAMBOV PROVINCE
(SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY)**

Dmitry P. Zherebchikov,
Candidate of Historical sciences, Senior Research Fellow,
Tambov State Technical University,
106, Sovetskaya Str., Tambov, 392000, Russian,
e-mail: ditrich87@mail.ru

The article deals with the problem of alcoholism among the urban population of the Tambov province during the period of modernization in the second half of the XIX – early XX centuries. The article reviews contemporary Russian scholarship on this problem. The author studies alcoholism of the urban society based on the statistical data, archival sources, and press materials. Drunkenness is considered as a form of deviation, interconnected with other manifestations of deviant behavior – suicide, bullying, murder. The article discusses the forms of control over drinking exercised by the state and church. During the period under study drunkenness being one of the most common social ills remained a big problem for the post-reform urban society and required serious attention from the government and public institutions. Drunkenness of urban residents hampered the normal development of urban environment and often served as a catalyst for more serious manifestations of deviant behavior and crime. In the cities of the Tambov province, much more affected by modernization as opposed to the villages, the problem of alcoholism was sharper than in the uyezds. As compared to other regions of Russia, the Tambov province suffered much from the problem of drunkenness among its urban residents. The scale of

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15–01–00117

alcohol abuse in this case also correlated with the degree of penetration of the modernization of the urban life in society. The problem of drinking in the Tambov province was much more serious than in the neighboring cities of agrarian provinces, however the situation was even worse in the cities of central regions that were more affected by modernization. The growth of population's alcoholization is inevitable during the periods of modernization. It was a price to pay for the increase in the urban population, the influx of workers to the cities. However, it did not relieve the State and the society of their responsibility to fight against this evil.

Key words: Drunkenness, alcohol statistics, alcohol mortality, suicide, bullying, fighting, killing, state control, temperance societies.

Пьянство является одной из самых распространенных форм девиантного (т.е. отклоняющегося) поведения в обществе. Изучение социальных аномалий прошлого востребовано как в научном, так и в практическом значении. В настоящей статье ставится цель – выяснить роль пьянства как фактора девиантности в городах типичной аграрной губернии Центральной России – Тамбовской в период масштабных модернизационных изменений в жизни России (вторая половина XIX – начало XX в.). Методологический арсенал статьи сочетает два основных научных подхода современной социальной истории. Один из них – социоструктурный, в рамках которого применяется сравнительный анализ социальных категорий, норм и процессов с помощью статистического метода. В настоящей статье на основе социоструктурного подхода рассматривается такой социальный феномен, как алкогольная смертность. Сведения из местных и общероссийских дореволюционных статистических источников позволяют раскрыть масштаб алкоголизации в тамбовском городском социуме. Другой подход – социокультурный, в его рамках проблема пьянства анализируется с помощью микроисторического анализа, который подразумевает изучение обыденной жизни рядовых людей, ее контекстов. В рамках социокультурного подхода рассматриваются «практики питья» отдельных городских обывателей. Изучение материалов первичного характера, извлеченных из архивных документов и местной губернской прессы, позволяет выяснить, существовала ли связь пьянства с другими видами социальных аномалий – самоубийствами, хулиганством, преступностью. Особое внимание уделяется вопросу о том, как на упомянутые «вызовы» социальной деструкции пьянства и алкоголизма реагировали городская власть и православная церковь.

Историография алкогольной проблемы в России довольно обширна. Однако, как отмечает А.Г. Быкова, алкогольный вопрос в России во второй половине XIX – начале XX в. как самостоятельная проблема не являлся предметом специального исследования отечественных ученых-историков. Вместе с тем, дореволюционные исследователи (чаще всего не историки, а медики, юристы, служители церкви) посвятили значительное число своих работ таким проблемам, как производство и реализация алкогольной продукции, потребление алкоголя и его последствия, формы и способы участия государства и общества в деалкоголизации населения, трезвенническое движение.

В советское время работы по алкогольной тематике носили ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер [1, с. 4–5]. Импульс к изучению пьянства и алкоголизма в постсоветское время дало новое направление в отечественной исторической науке – социальная история. Но лишь некоторые современные исследователи изучали пьянство в дореволюционной России в контек-

сте происходивших модернизационных изменений и разрушения традиционной культуры. На наш взгляд, анализ социальных девиаций именно в таком контексте должен стать парадигмой современных работ по данной проблеме. В должной мере не нашло своего отражения изучение пьянства во взаимосвязи с другими проявлениями девиантного поведения. Обойден вниманием современных исследователей и вопрос о специфике алкогольной проблемы в российских городах.

Прежде всего, при анализе современной историографии рассматриваемого вопроса следует выделить работы, в которых исследование осуществлялось на основе того или иного исторического подхода (социально-исторического, антропологического и т. д.). Так, докторская диссертация, а позднее монография А.Г. Быковой посвящена изучению обширной проблематики алкогольного вопроса в России. Пьянство рассмотрено ею как своеобразная форма уродливой социализации личности в условиях модернизации, ломки патриархальных устоев, возросшей социальной мобильности населения [2]. Анализ «народного пьянства» на Европейском Севере России в конце XIX – начале XX в. позволил сделать Т.И. Трошиной вывод о том, что «под влиянием урбанизации и модернизации, в связи с ростом народного благосостояния этот порок развился и стал приобретать угрожающие масштабы и формы» [3].

Фактором, повышающим размеры потребления спиртного, исследователь И.А. Шевченко считает «неземледельческий отход, когда сельские обыватели, оказавшиеся на заработках в чужой социокультурной среде без общинного контроля, становились регулярными потребителями алкогольных напитков» [4]. Интересуясь проблемами пьянства и алкоголизма, А.В. Николаев, особое внимание уделяет явлению «уличного пьянства», деятельности обществ трезвости, питейной политике государства и др. По его мнению «крестьяне, приходя в город, сливались, в основном, с маргинальными “низами”, алкоголь становился для них и средством “ухода” от гнусной реальности, и средством адаптации к новым условиям. Установление государственной винной монополии не улучшило положение: крестьяне, “отходники”, рабочий люд городов — все они быстро стали заложниками винной лавки» [5]. В.Б. Безгин полагает, что урбанизация и модернизация способствовали распространению пьянства в деревне, росту девиантного поведения крестьян [6]. Указанные авторы приходят к схожим выводам о том, что модернизация, урбанизация, миграция и разрушение традиционной культуры способствовали росту пьянства и алкоголизма, особенно в городской среде.

В 2011 г. группой ученых-демографов было выполнено исследование алкогольной смертности в Российской империи в 1870–1894 гг. По их данным, в Тамбовской губернии коэффициент мужской алкогольной смертности составлял

в 1870–1894 гг. около 15,1 на 100 000 чел., что превосходило общий коэффициент внезапной смертности мужчин от пьянства за тот же период в Европейской России – 10,4 на 100 000 чел. По величине коэффициента Тамбовская губерния была впереди своих южных соседей – Курской (около 7,5) и Воронежской (около 8,5) губерний, уступая более северным соседним – Пензенской (около 19) и Рязанской (около 17) губерниям. Авторы исследования пришли к выводу, что максимум внезапной смертности мужчин от пьянства из 50 губерний Европейской части Российской империи приходился на центр Европейской России, при этом показатели на западе и юге были существенно ниже, чем в центре. Как на одно из возможных объяснений этого факта, в статье указывается на различие в стилях потребления алкоголя в различных частях России¹. Видимо, народонаселение Тамбовской губернии было более склонно к «центральному» типу потребления спиртного (по типу потребления в Рязанской и Пензенской губерниях), чем к более «южному» (как в Воронежской и Курской губерниях). Авторы исследования не рискнули проводить расчеты отдельно для населения городов и уездов.

Используя те же источники, можно выяснить масштаб смертности от алкоголя в городах Тамбовской и соседних губерний. На 10 000 чел. городского населения России в 1875–1887 гг. умирало от пьянства 0,71 жителей обою пола,² а в городах Тамбовской губернии за тот же 13–летний период было 1,5 умерших от пьянства³. По числу умерших от пьянства в расчете на 100 чел. умерших насильственной и случайной смертью в 1875–1887 гг. города Тамбовской губернии (14,6 умерших от пьянства на 100 умерших насильственно и случайно) превосходили города Воронежской (11,2) и Курской (12,3) губерний, уступая городам Рязанской (15,4) и Пензенской (19,5) губерний. В городах Европейской России средний показатель составлял 11,9 умерших⁴. Как видно, результаты настоящего исследования почти полностью коррелируют с выводами из вышеуказанной работы. Следовательно, разница в статистических показателях алкогольной смертности в городах Тамбовской губернии и в городах соседних губерний может объясняться различиями в типе потребления спиртного.

На наш взгляд, кроме вышеуказанной причины, нужно учитывать роль факторов модернизации и урбанизации. Степень урбанизации аграрной Тамбовской губернии характеризует доля городских жителей – 8,4 % в 1897 г. Однако Тамбовская губерния по доле горожан в общем населении опережала Воронежскую (6,7 %), при этом отставала от Пензенской (9,5 %) и Рязанской (9,4 %) губерний. При более высокой степени урбанизации Курской губернии (9,3 %)⁵ та-

кой важный показатель при модернизационных изменениях, как процент не местных уроженцев (т.е. пришлого населения, мигрантов), в городах Тамбовской губернии был выше, чем в курских городах, – 36,4 %⁶ и 22,2 % соответственно. Таким образом, данные об алкоголизации горожан, рассмотренные выше, вполне отражают интенсивность модернизационных и урбанизационных процессов: по масштабам проблемы пьянства тамбовские города опережали города соседних аграрных губерний, менее затронутые модернизацией, уступая городам центрального района, затронутым модернизацией в большей степени.

Не может вызывать сомнения, что интенсивность модернизационных процессов в городах была выше, чем в уездах. Соответственно, этот фактор должен был повлиять на различия в показателях алкоголизации населения в городах и селах губернии. Одно место питейной торговли (казенное и частное) в 1901 г. в тамбовских городах приходилось на 286 чел., а в тамбовских уездах – примерно на 1026 чел.⁷ Смертность горожан от пьянства, по сравнению со смертностью в деревне, была выше. Во второй половине XIX в., с 1870 по 1901 г., по неполным данным статистики (без 1896 и 1899 гг.), в Тамбовской губернии число умерших от пьянства составило 6142 чел. Из них в городах умер от пьянства 731 чел., т.е. 11,9 %, что превышало долю горожан в общем населении губернии (в 1897 г. – 8,4 %). Проблема городского пьянства стояла острее, чем сельского, если рассматривать женскую смертность от алкоголя. Если в уездах женская смертность от пьянства составляла 9,1 % (из 5411 умерших 493 были женщины), то в тамбовских городах – 21,9 % (из 731 умерших от пьянства – 160 женщин)⁸. Нужно учитывать и то, что данные статистики не могли отразить всех масштабов проблемы злоупотребления спиртным, поскольку учет умерших, вероятно, был занижен. Таким образом, данные местной статистики Тамбовской губернии подтверждают факт более высокой степени алкоголизации города по сравнению с деревней.

В местной хронике губернской газеты довольно часто появлялись сообщения о смертях городских жителей,

разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. I. Таблица: пространство, число наличного населения и плотность. Число наличного населения в городах. С. 2, 4.

⁶ Подсчитано по: Там же. Таблица VI: Распределение населения по сословным группам и месту рождения – в городах. С. 102.

⁷ Подсчитано по: Обзор тамбовской губернии за 1901 год. Тамбов, 1902. С. 32–35. Ведомость о числе мест питейной торговли и о числе выданных патентов на продажу напитков в 1901 г. Для подсчета взята примерная численность городского населения губернии за 1901 г. – 241 000 чел., сельского – 2 734 000 чел.

⁸ Подсчитано по: Статистический временник Российской империи. Серия II, вып. 19: Насильственные и внезапные смерти с распределением по губерниям в период 1870–1874 годов. СПб., 1882. С. 28; Временник ЦСК МВД. № 35. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875–1887 гг. СПб., 1894. С. 58; Временник ЦСК МВД. № 41. Умершие насильственно и внезапно в Российской империи в 1888–1893 гг. СПб., 1897. С. 50; Обзор Тамбовской губернии 1894–1901 гг. (без 1896 и 1899 гг.). Тамбов, 1895–1902. 6 кн. Ведомости о насильственных и случайных смертях за 1894–1901 гг.

¹ Андреев Е.М., Богоявленский Д.Д., Стикли А. Алкогольная смертность в Российской империи в 1870–1894 годах. // Демоскоп Weekly. 2011. № 461–462. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0461/analit01.php> (дата обращения 03.10.2015 г.)

² См.: Временник ЦСК МВД № 35. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875–1887 гг. СПб., 1894. С. V.

³ Подсчитано по: Там же. С. 58. Для подсчета взята примерная численность городского населения губернии за 1881 г. – 160 000 чел.

⁴ Подсчитано по: Там же. С. 16, 28, 40, 48, 58.

⁵ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. I: Общий свод по Империи результатов

произошедших вследствие неумеренного питья алкоголя. Например, корреспондент газеты «Тамбовские губернские ведомости» сообщал, что в г. Тамбове в доме мещанки Набоковой в 1880 г. умер «без исповеди и святого причастия» мещанин Михаил Набоков, 30 лет. Набоков, «будучи слабого телосложения и жалуясь на боль и удушье, злоупотреблял спиртными напитками, отчего и умер»⁹. В 1881 г. зимой 23 января на тротуаре вблизи конюшен коннозаводства был найден мертвым 40-летний тамбовский мещанин Савелий Михайлов. Как сообщалось, «Михайлов постоянно вел жизнь нетрезвую»¹⁰.

Другая распространенная форма девиации – суицид – нередко была связана с алкогольной проблемой, так как горожане часто совершали самоубийства именно в состоянии опьянения. В 1874 г. в Моршанске 40-летний купец 2-й гильдии Семенов находился в городской больнице и лечился от пьянства. При нем постоянно находился больничный смотритель. Воспользовавшись его временным отсутствием, Семенов удавился¹¹. В Тамбове в 1874 г. «покушался на свою жизнь» отставной прапорщик Михайлов. «Будучи нетрезвым», он нанес рану себе ножом в грудь¹². В Шацке в 1879 г. повесился в своем доме «в пьяном виде» 30-летний крестьянин Василий Аватков¹³. В Елатье в 1878 г. повесился дьякон Соборной церкви Иван Леонтьев в «припадке тоски от пьянства»¹⁴.

Хулиганское поведение, спровоцированное пьянством, на улицах городов губернии было явлением заметным и угрожающим. Корреспондент из Шацка писал в заметке «Тамбовских губернских ведомостей», что часто запоздалые пешеходы в праздничные дни всецело отдаются на волю разгулявшихся слобожан или рекрутов, которые с криками «зарезу», «убью» свободно носятся от одного трактира к другому¹⁵. Вот что писал корреспондент губернской газеты из г. Козлова в 1881 г.: «На самых лучших улицах вы то и дело видите драки и слышите пьяный шум и самую неприличную ругань, особенно к вечеру... Я положительно нигде не видел таких пьяных, неприличных женщин, которые попадались здесь на самой главной улице. Пока я пишу эти строки, под моим окном с бранью и визгом дерутся две бабы, бросаются камнями, разлили молоко, разбили посуду... Вечером опасно даже ходить по улицам»¹⁶. Данные полицейской статистики подтверждали негативный отзыв корреспондента о нравах в Козлове. В рапорте козловского пристава о содержащихся под арестом в течение суток с 5 ноября по 18 декабря 1899 г. доносилось, что за указанный период практически не было дня без задержания людей за пьянство. За пьянство в течение суток арестовывали от 1 до 7 чел., были среди них и женщины¹⁷.

⁹ Тамбовские губернские ведомости. 1881. № 3. С. 2.

¹⁰ Там же. № 10. С. 2.

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 35. Д. 1309. Л. 79об.–80.

¹² Там же. Л. 95об.

¹³ Там же. Оп. 40. Д. 598. Л. 150об.

¹⁴ Там же. Оп. 39. Д. 864. Л. 86об.

¹⁵ Тамбовские губернские ведомости. 1897. № 6. С. 3.

¹⁶ Там же. 1881. № 86. С. 3-4.

¹⁷ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 1023. Оп. 1. Д. 32.

Такие нетяжкие виды преступлений против личности, как драки и оскорбления, в тамбовских городах были обычным явлением. В драку горожане в большинстве случаев вступали в состоянии опьянения. В Тамбове в 1871 г. крестьянин Дмитрий Толмачев, «будучи в нетрезвом виде», ранил мещанина Сергеева, ударив его ножом в голову. В Моршанске в пригородной Громовской слободе в 1879 г. крестьянин Парамонов, «идя по улице в пьяном виде, с гармоникой», встретил толпу крестьян из ближайших к городу селений, шедших с волостного схода. Кто-то из толпы обозвал его жуликом, и Парамонов начал драку. Ему было нанесено ножевое ранение в бок¹⁸.

Городские власти относились строго к правонарушениям против общественного порядка и нравственности и стремились их пресекать. Существовала практика ночного патрулирования тамбовских городов, так называемых ночных обходов, силами полиции и военных. Очень часто горожане в состоянии опьянения оказывали сопротивление патрулю, и тогда патруль становился объектом нападения. В Тамбове в 1878 г. ночной обход из 4 чел. следовал по Дубовой улице. Обходом был задержан в состоянии опьянения слесарь, служащий на железной дороге. Он оказал сопротивление патрулю, причем к нему на помощь присоединился вышедший из трактира его товарищ – мещанин Костиков. Слесарь нанес ножевые раны унтер-офицеру и явившемуся на помощь городовому¹⁹. В Липецке в 1872 г. во время Владимирской ярмарки помощник полицейского пристава Болотов, совершая обход, заметил позднюю торговлю в питейном заведении мещанина Зиновьева. Болотов предложил виноторговцу мещанину Александрову закрыть кабак. Но он и находившиеся там посетители – двое липецких мещан Сидоров и Раков – оказали сопротивление обходу. Александров нанес удар рядовому и сорвал у него штык с пояса, а Раков бросал камнями в солдат и кричал: «Бей их!»²⁰.

Склонные к чрезмерному употреблению спиртного горожане становились жертвами уличных преступников. Городская базарная площадь являлась повышенной криминальной опасностью. Базар в народе называли «толкучкой». Об атмосфере подобной «толкучки» в Тамбове рассказывалось в заметке «Тамбовских губернских ведомостей» 1897 г. под названием «Тамбовский базар». Корреспондент отмечал, что на базаре царили шум, гам, толкотня²¹. В Тамбове в 1881 г. в «толкучке» был ограблен коллежский ассessor П.Я. Сперанский, «который при этом был пьян до бессознательности». С пострадавшего были сняты визитка, пальто, брюки, сапоги, жилет. Подозревать в ограблении Сперанский по причине своего состояния заявить ни на кого не мог. Его визитка была найдена у тамбовского мещанина Соколова, а жилет – у крестьянина Грекова. Все эти вещи куплены были у крестьянина с. Кривая Поляна Верещагина²².

В семейно-бытовой сфере алкоголь также играл разрушительную роль. Жители городов в состоянии алкоголь-

¹⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 40. Д. 598. Л. 29об.-30.

¹⁹ Там же. Оп. 39. Д. 864. Л. 224об.–225.

²⁰ Там же. Оп. 33. Д. 367. Л. 58–58об.

²¹ Тамбовские губернские ведомости. 1897. № 131. С. 2–3.

²² Там же. 1881. № 106. С. 4.

ного опьянения иногда совершали убийства своих близких родственников. В пригороде Моршанска в 1871 г. произошли два таких случая. В Барашевской пригородной слободе крестьянин Павел Ханин «в пьяном виде» убил по неизвестной причине свою жену Татьяну. Крестьянин Захар Голяев, житель той же слободы, возвращаясь вечером из гостей в нетрезвом состоянии «с теткою своей Варварой», столкнул ее в прорубь «неизвестно за что»²³. Случались в тамбовских городах убийства сразу нескольких родственников по причине винопития. В Лебедяни в 1877 г. в пригородной Стрелецкой слободе крестьянин Дмитрий Кошкаров «в пьяном до бессознания виде» убил жену Анну и тещу Ольгу Малахову²⁴. В Козлове в 1874 г. мешанка Попова была пьяна и поссорилась по неизвестной причине с родной сестрой Натальей. Во время драки она сильно толкнула Наталью, отчего та упала и от удара умерла²⁵.

Введение в начале XX в. винной монополии и создание попечительств о народной трезвости, занимавшихся пропагандой трезвого образа жизни, стало ответом государства на пьянство и алкоголизм. Не только государство, но и церковь были озабочены высокой степенью алкоголизации населения. Среди негативных моментов в обзорах состояния нравов городских жителей в отчетах благочинных городских округов указывалось на неумеренное пьянство, сопровождавшееся сквернословием и разгулом²⁶. Если государство искало истоки пьянства в социально-экономических причинах, то православная церковь – в «недостаточном развитии христианского самопознания и нравственности» в народе²⁷. В исследуемый период появляются общества трезвости при церковных приходах (после указа Священного Синода 1889 г. о возможности священнослужителям создавать церковно-приходские общества трезвости). По сведениям Тамбовской епархии за 1892 г., в городах губернии обществ трезвости, созданных церковью, было немного, число их членов обычно не превышало 30 чел.²⁸ Самое крупное городское церковное общество трезвости в то время действовало в Борисоглебске при приходе Часовенной церкви, состояло оно из 150 чел.²⁹

На наш взгляд, проблема пьянства в городах Российской империи стояла значительно острее, чем в деревне. Частое употребление спиртного входило в уклад жизни обывателей, а кабак и винные лавки становились одними из главных форм досуга. Анализ данных статистики показал, что в масштабах Российской империи проблема городского пьянства в Тамбовской губернии стояла довольно остро. Степень алкоголизации в данном случае также можно сопоставить со степенью охвата модернизацией городского социума. Тамбовские города по алкоголизации опережали города соседних аграрных губерний, уступая городам центрального района, затронутым модернизацией в большей степени.

Но не государство, не церковь, и не общество в целом не могли кардинально изменить ситуацию с пьянством в городах. Платой за увеличение городского населения стало усиление алкоголизации. Анализ архивных документов и местной губернской прессы свидетельствовал о негативной роли пьянства в повседневной жизни городского социума Тамбовской губернии. Пьянство горожан мешало нормальному развитию городской среды и нередко служило катализатором для более серьезных проявлений девиантного поведения и преступности. На наш взгляд, в исследуемый период пьянство низших городских слоев было неизбежным злом, что, впрочем, не отменяло посильную борьбу с ним со стороны городских властей и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быкова А.Г. Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис... д-ра ист. наук. Омск, 2012. 51 с.
2. Быкова А.Г. Алкоголизм и пьянство в России в XIX – начале XX вв.: из истории проблемы (монография). Омск, 2006. 136 с.
3. Трошина Т.И. Народное пьянство на Европейском Севере России (конец XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2011. № 28(2). С. 19–28.
4. Шевченко И.А. Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне Центра России в конце XIX – XX в.: автореф. дис... канд. ист. наук. Липецк, 2015. 24 с.
5. Николаев А.В. Русское пьянство: от традиции к политике. Тольятти, 2007. 151 с.
6. Безгин В.Б. Алкоголь в обыденной жизни русского села (конец XIX – начало XX в.) // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 3. С. 421–453.

REFERENCES

1. Bykova A.G. The Issue of Alcohol in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century: Abstract of dissertation of Doctor of Historical Sciences. Omsk, 2006, 51 p. (In Russ.)
2. Bykova A.G. Alcoholism and drunkenness in Russia in XIX – early XX centuries: history of problems (monograph). Omsk, 2006, 136 p. (In Russ.)
3. Troshina T.I. Popular drunkenness in the European North of Russia (the end of XIX – early XX centuries). *Novyi istoricheskiy vestnik*. 2011, no. 28 (2), pp. 19–28 (In Russ.)
4. Shevchenko I.A. Alcohol consumption and the struggle for sobriety in the village of Great Central Russia in the late XIX – XX century: abstract of dissertation of the candidate of historical sciences. Lipetsk, 2015, 24 p. (In Russ.)
5. Nikolaev A.V. Russian drunkenness: from tradition to politics, Toliatty, 2007, 151 p. (In Russ.)
6. Bezgin V.B. Alcohol in Everyday Life of the Russian Village (Late XIX – Early XX centuries). *NB: Problems of Politics and Society*. 2013, no. 3, pp. 421–453 (In Russ.)

Статья принята редакцией 04.11.2015

²³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 32. Д. 1583. Л. 31об. –32, 217.

²⁴ Там же. Оп. 38. Д. 1314. Л. 221–221об.

²⁵ Там же. Оп. 35. Д. 1309. Л. 21–21об.

²⁶ Там же. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2266. Л. 151об., 187

²⁷ Там же. Л. 153.

²⁸ См.: Справочная и памятная книжка по Тамбовской епархии на 1893 г. С. 20–318

²⁹ Там же. С. 228.